

Вадим АРЕФЬЕВ

Ирак, которого уже нет

Автограф

Поразительные экспонаты есть в историческом музее Багдада. Трудно поверить, что предметы, которые ты видишь собственными глазами, существуют на свете уже шесть, а то и восемь тысяч лет. И тем не менее, мы идём по шумеро-аккадскому залу. Здесь представлены керамические вазы и чаши, разные находки из раскопок, например, череп молодой девушки с золотыми украшениями. Следом — пантеон богов Месопотамии, клинописные таблички, оттиски печатей. Далее — ассирийский зал: муляжи скульптур, свидетельства древней письменности — тонкая арабская вязь. А вот почти центральный зал экспонатов разбился по дереву — редчайшие породы! Интересно прикоснуться, скажем, к чёрно-коричневому рисунку прошедшего через вакуумного кедра.

Кажется, сама время раздаёт автографы в зале средневековых манускриптов. Здесь рукописные книги разных мастеров, эпох и школ. И я прошу нашего экскурсовода персональный автограф — что-нибудь на память. И она, поневоле, пишет в блокнот: «Мне очень нравится сопровождать Вас, и желаю Вам красивая мирная жизнь, и делайте успешные успехи. Хода Али Аль-Тимими Нура».

Совсем недавно я случайно увидел её по телевизору. Возле музея рвались аккуратные англо-американские точечные бомбы.

Идём в сад-рошцу. Нам показывают, как добываются этот «хлеб-сыр». Парень лет пятидесяти охватывает себя и ствол пальмы широчайшим ремнём и, перебрасывая его раз за разом, в считанные минуты оказывается на самом верху, под кроной разлапистых пальмовых ветвей-листьев. К поясу у него привязана длинная верёвка, к ней крепится корзина. Юноша подтягивает её к себе, несколько раз ударяет ножом по ветвям — и корзина полна фиников. Розкошных, янтарно-жёлтых.

Какие необычные, — говорю я нашему переводчику-экскурсоводу.

— О, да, — радостно соглашается он, — это лучший сорт. Специально для вас.

— А много у фиников сортов?

— Конечно! — не без гордости отвечает тот. — Сто пятьдесят видов финиковых пальм расти в Ираке. И каждая может дать до ста килограммов плодов в год. Только вот цены теперь низкие из-за эмбарго...

— А чего назначать-то? — сказал наш руководитель. — Пусть здесь и попляшут!

И девочка запела... Ах, как она пела!

А как извивалась её стан и взлетали лебяжьими крыльями руки, как посверкывали маслины ослепительных восточных глаз! Сколько в этом танце было огня, надежды и страдания, сколько веры и любви было в песне...

Ёё маме так хотелось, чтобы дочь пела в России...
Багдадский базар

Если ходить по самому главному Багдадскому рынку, то отовсюду слышно:

— Халля-у, халля-у!

— Вот где же жизнь, а сплошная халля, — шутит мой товарищ.

Вообще, это торгуют халль. На весы — знаменитая арабская. Мы идём по рынку и всюду что-нибудь пробуем. Чего тут только нет! Глаза разбегаются...

Золотые и серебряные ряды. Всё сверкает, сияет. Продают шёлк, батист, бархат. Тут же ишаки, верблюды, овцы.

Рядом развали овощей, восточных

приностей, фруктов. В центре рынка — Золотая мечеть. Тут же рядом жарят мясо. И всё это уходит в совершенно непередаваемых ароматах.

Мы пьём чудесный густой с кислинкой кофе из маленьких фарфоровых чашек, запиваем его родниковой водой, которая в Багдаде в несколько раз дороже бензина. Мы наслаждаемся вкусом свежего жаркого гранатового соуса, поедаем восточные сладости: лук, щербет.

Да, побывать на базаре в Багдаде — целое событие. Ритуал. Традиция. И всё это надо делать с умом, не спеша. Обязательно нужно поговорить — обязательно вас просто не поймут.

О, Багдадский базар! Воистину живая связь всех времен и народов.

Ум-Гайда

В Аль-Амарии, одном из районов Багдада, есть очень странный музей в бывшем боембоубежище. Во время военной операции «Буря в пустыне» американцы решили, что здесь находится штаб иракской армии. И нанесли авиаудар. В итоге сгорели живьем больше тысячи человек — обычных мирных граждан. Сейчас на стенах музея фотографии: мальчики и девочки в школьной форме, улыбчивые семейства, девушка в свадебной фате, женщина с ребёнком на руках. Есть, ещё там на бетонных стенах — это то, что осталось от людей. Температура взрыва — более четырёх тысяч градусов.

Сейчас экскурсоводом там работает

Ум-Гайда. Незадолго до авиаудара она пошла домой, чтобы принести одежду и еду для своих детей. Там, под бетоном, остались все девять членов её семьи...

Свадьбы

Много раз, выходя на улицу из гостиницы, я ног к носу сталкивался с шумными свадебными процессиями.

Барабаны, флейты, бамбуковые дудочки, ослепительно белые платья, роскошные строгие костюмы с галстуками. В общем, типичные свадьбы, да и только. Весёлые, счастливые, светлые. «Но почему тут гостиница?» — и раз, и другой спрашивал я сам у себя.

По декрету правительства, — объясняли мне, — все молодёжи Ирака имеют право несколько дней провести в номерах лучших отелей. Бесплатно.

Вот, оказывается, какие подарки в Багдаде для новобрачных.

Самарра

Древний город Самарра. Столица же древняя башня-зиккурат пятьдесят метров высотой. Забираешься — голова кругом. А чтобы взобраться на самый верх, надо идти и идти по винтовой дорожке. Там — площадка. Посмотрите, какая красота, дух захватывает. Золото сияют маковки мечетей, минареты стоят свечками, повсюду старинные двери.

Мечта поэта, историка, археолога. И вдруг один из наших переводчиков-рабов поёт патетически:

«А вот, посмотрите на правую... — тут у нас ГЭС. Советские друзья пришли! Мы гордимся!».

Все мы внимательноглядим на нашу советскую ГЭС, и, поразительное дело, прям оттуда на нас на высоте башни летят стая розовых птиц.

— Это фламинго... — произносит вслух кто-то.

Керим

Керим — наш переводчик. Он большой, добрый. Он спокойно и даже с радостью отвечает на самые неожиданные вопросы. У него большая семья. Надо кормить детей.

Он рассказывает, как учился в Советском Союзе, какие у него были там хорошие и надёжные друзья...

Хорошо бы с ним сейчас поговорить. Но я здесь, а он там. Я, кстати, тоже увидел его по телевизору. То был уже другой Керим и другой Багдад.

Тогда Багдада уже нет. Но я знаю, что он был и обязательно будет. Он — воскреснет. И, конечно же, правда победит. Потому, что не в силе Бог — в правде!

Валентина СУВОРОВА

Последнее свидание с Чили

специально для нас отведённые. Лица официантов казались спокойными, но за внешней безмятежностью угадывалось волнение. Кто-то из них подошёл к окну и отдернул портьеру — тотчас последовала автоматная очередь. Люди с криком отшатнулись. Стало ясно: на улицах Сантьяго идёт бой. Это казалось невероятным: после войны с фашистской Германией прошло 28 лет. Двадцать пять военных лет! И вот здесь, на чилийской земле, часы, отсчитывавшие ход мирного времени, вдруг остановились...

В холле к телефону подошла женщина. Она плакала, называла телефонистке какой-то номер. Возможно, дома осталась дети, но её не соединили. Мы поднялись наверх. Из окон хорошо был виден дворец «Ля Монеда», в котором работал президент Сальвадор Альянде. Над зданием поднимался столб дыма, чёрного и густого, — казалось, он скоро закроет солнце, которое светило по-прежнему ярко и беззаботно.

В небе слышалась гул вертолётов, и по крышам домов скользили их чёрные тени. По улицам проезжали грузовики с солдатами в тёмно-зелёных мундирах с автоматами за плечами. Слышины были разрывы бомб ивой сирен.

Выяснилось, что улететь нам не удастся. После обеда мы задержались в холле. Говорили мало. Нервно курили. Мой взгляд упал на полотно с изображением моря во время шторма. Огромные вздыбленные волны неслись на берег, с силой обрушивались на него, и берег стонал от этого могучего и стерильного напора.

Взрывы не прекращались. А солнце

заслоняло солнце

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и